

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с Татьяной Черкашиной

«Наш интерес к теме экономического неравенства был предопределён»

Беседовала Анита Поплавская

ЧЕРКАШИНА Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1.

Email: touch@nsu.ru

Беседа с заведующей кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета (НГУ) Татьяной Черкашиной открывает цикл интервью в рамках проекта «Российская экономико-социологическая перспектива», инициированного научным сотрудником ЛЭСИ Анитой Поплавской. Цель проекта — представить разнообразие научных тем отечественной экономической социологии, «картировать» и «портретировать» их. Где локализуется экономическая социология в России? Что интересует представителей экономико-социологического подхода или учёных, чьи темы стоят на стыке экономики и социологии? Ориентированы ли исследователи на описание локальных контекстов, представляя уникальные для страны дискурсы и подходы, или встраиваются (и как) в мировую дискуссию своего тематического поля? Как развивались научные интересы интервьюируемых учёных, какие статьи и книги они считают ключевыми в своих биографиях, какими литературными источниками вдохновляются, какие данные используют, как их анализируют и какие исследовательские результаты считают наиболее значимыми? На эти и другие вопросы мы ищем ответы в беседах с коллегами.

Кейс Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ) неслучайно становится первым. Именно в Новосибирске в 1970–1980-е гг. зарождалось новое для России исследовательское направление — экономическая социология, а в 1989 г. было создано одно из первых отделений социологии в СССР. Парадоксально, но именно в Новосибирске факультет социологии так и не был создан, социологи продолжают работать и учить студентов на экономическом факультете¹.

В основу текста интервью положена трёхчасовая беседа с заведующей кафедрой общей социологии Татьяной Черкашиной. Разговор проходил в неформальной обстановке за чашкой чая на кафедре НГУ. Настоящая публикация является краткой выжимкой наиболее важных повествований по следующим темам: (1) история Новосибирской экономико-социологической школы, в том числе преемственность интереса к исследованиям благосостояния и неравенства в России, организация обучения в НГУ, преимущества и перспективы использования открытых данных в исследованиях; (2) 10-летний опыт совместных исследований Т. Ю. Черкашиной и

¹ См. подробнее об истории отделения социологии экономического факультета НГУ: Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.nsu.ru/n/economics-department/about/history/> (дата обращения: 9 сентября 2025 г.).

Т. Ю. Богомоловой имущественной стратификации в России (с учётом обладаемой собственности), трилогия авторских статей, методология измерения имущественного неравенства; (3) текущая жизнь кафедры общей социологии экономического факультета, которая, помимо традиционных для социологии дисциплин, интегрирует в преподавание курсы бизнес-практиков, выпускников факультета, подчёркивая важность отражения и понимания работы современных рынков и разбора реальных бизнес-кейсов. В интервью подчёркивается тесная связь между экономикой и социологией, статистическим анализом и более объёмным пониманием социальных феноменов, академическими дисциплинами и практическими курсами. Беседа может быть интересна молодым учёным, находящимся в поиске собственного пути в науке, тем, кто интересуется темами социологии неравенства и стратификации, а также экспертам предметного поля.

Ключевые слова: экономическая социология; Новосибирская экономико-социологическая школа; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; богатство; неравенство по богатству; социологическое образование.

Связь экономики и социологии в исследованиях и образовании: кейс Новосибирской экономико-социологической школы

— Вводный вопрос про Ваш путь в науке. Когда Вы поступали в НГУ, была ли у Вас чёткая ориентация стать учёным, исследователем?

— Мне кажется, я сделала всё так, как не рекомендовала бы делать сейчас нашим студентам. Я приехала поступать в Новосибирский университет в 1989 г. Поступление тогда было немного иначе устроено, чем сейчас, в том числе и информационно. Были печатные справочники для поступающих в вузы с указанием городов, университетов, специальностей. Но у меня был справочник не на 1989-й г., а на предыдущий — на 1988-й. И мне в голову не могло прийти, что что-то кардинально может измениться. Я хотела поступать на экономический факультет НГУ по единственной тогда специальности — экономическая кибернетика. Но по приезде выяснилось, что открыто отделение социологии, и я, на ходу изменив решение, поступала на новую специальность. Это был первый набор на отделение социологии, то есть я из первого набора. Не готовилась быть социологом, но с тех пор ни разу не пожалела.

— Насколько мне известно, социологического образования не было в советское время, структурные подразделения, ведущие подготовку в области социологии, появились примерно в начале 1990-х?

— Я постараюсь сейчас найти... [Показывает книгу.] Вот легендарная книжка «Контуры социологического образования в вузе. Проект», написанная под редакцией Инны Владимировны Рывкиной [Рывкина 1989]. В ней есть Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию, изданный в 1988 г., об открытии в следующем учебном году социологических факультетов и отделений в некоторых советских городах. Факультеты были созданы, например, в Московском, Ленинградском, Киевском, Белорусском государственных университетах. В Новосибирском государственном университете и в нескольких других вузах были открыты отделения социологии. До этого момента только в МГУ в формате переподготовки обучали прикладной социологии.

— Удивительно, что именно в Новосибирске возникла инициатива открытия социологических факультетов в стране, а в университете по сей день функционирует только отделение социологии при экономическом факультете.

— Да, мы были не единственным отделением, но потом другие отделения становились факультетами, а мы остались частью экономического факультета, воплощая историческую связь экономики и социологии, какая и была.

— Как развивалось экономико-социологическое образование на факультете, кто разрабатывал и преподавал курсы? Знаю, что многие наши коллеги из ВШЭ раньше здесь работали.

— Всё верно. У нас преподавали Григорий Ханин, Ирина Давыдова. Инна Рывкина у нас вела «Введение в специальность», Леонид Косалс преподавал методологию и методы социологического исследования, Марина Шабанова вела семинары по этому курсу, Алёна Леденёва вела семинары по истории социологии. Они успели в нас вложиться, прежде чем уехать из Новосибирска. Понимание значимости этих имён в социологии пришло уже потом. Тогда казалось, что это вполне нормально, обычно, что они у нас преподают.

Что касается связки экономики и социологии, то исходно она возникла в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП СО АН СССР; сейчас — ИЭОПП СО РАН), а не в НГУ. Нужно понимать особенности организации образования в нашем университете, где каждая кафедра и факультет связаны с каким-то академическим исследовательским институтом. И Новосибирская экономико-социологическая школа (НЭСШ) — это прежде всего отдел социальных проблем в ИЭОПП [Заславская, Калугина 1999; 2003; Заславская, Калугина, Бессонова 2008; Котельникова 2004; Горяченко et al. 2024]. Именно этот отдел «отвечал» за социологическую специализацию на экономическом факультете. В дипломе была строчка о специальности «экономист-математик», а то, что была специализация по социологии, можно было понять по прослушанным курсам и теме диплома.

— Не могли бы Вы кратко рассказать, с чего начинались социологические проекты в НЭСШ?

— Это были социолого-статистические обследования — крупный проект, организованный совместно с Центральным статистическим управлением (ЦСУ) РСФСР, под руководством Т. И. Заславской, В. Д. Миркина и К. Ф. Ершовой. До возникновения данного проекта, в 1964–1966 гг., были исследования, связанные с проблематикой миграции. Например, в Новосибирске опрашивали бывших сельских жителей, работавших на промышленных предприятиях, а в сёлах — семьи, члены которых уехали в город. Новое обследование было лонгитюдным, и подобных исследований никто до того момента не проводил. Первый замер в рамках проекта организовали в 1967 г. в Новосибирской области. Помимо анкет для сельских жителей, инструментарий включал подробные «анкеты» об объектах инфраструктуры сельских населённых пунктов: школах, больницах, других учреждениях. Исследование повторялось в 1972, 1977 и 1982 гг. Четвёртая волна охватывала и Алтайский край. Эти четыре крупных исследования были проведены по сопоставимой методике, а собранные данные стали эмпирической основой для исследований множества направлений. Постепенно от изучения сельско-городской миграции отдел перешёл к анализу деревни как социальной подсистемы (сейчас сельскую тематику развивает прежде всего Ольга Фадеева), но некоторые исследования концентрировались на более частных, но не менее важных феноменах. Например, исследование шабашничества (то есть сезонной трудовой миграции), которое выполнила Марина Шабанова. Возможно, её статья была одной из первых в советской социологии, в которой откровенно обсуждались вопросы неформальной экономики [Шабанова 1986], а позднее вышла книга с материалами её диссертации по этой теме [Шабанова 1991].

Из совокупности этих исследований выросла книга «Социология экономической жизни» [Заславская, Рывкина 1991]. А первая монография о первом социолого-статистическом обследовании была не с результатами, а с описанием методики, и отдельный параграф был посвящён организации социологических экспедиций (см. подробнее: [Заславская, Миркин, Ершов 1969]).

— Какие темы были традиционными для Новосибирской экономико-социологической школы? Какое развитие они получили сегодня? Можно ли сказать, что тема неравенства являлась и остаётся основной?

— Если говорить о 1960–1970-х гг., основное направление — это исследования деревни как сложной социальной подсистемы, что подразумевало оценку условий жизни, выявление миграционных наимерений сельских жителей и того, как они реализуются, хозяйственных практик (формальных и неформальных); также изучали динамику сельского расселения, социально-территориальную структуру села. Миграция населения оставалась объектом исследований, но менялись методология, предмет исследований. ИЭиОПП СО АН СССР был одним из эпицентров математизации советской социологии. Социальное моделирование начиналось в институте с моделей сельско-городской миграции, прогнозирования миграционных потоков. Миграционным биографиям и адаптации мигрантов на новом месте были посвящены исследования Людмилы Корель. Миграция населения вполне с позиций экономической социологии представлена в книге «Миграция и жилище» [Корель, Тапилина, Трофимов 1988]. «Миграция» и «жилище» увязывались друг с другом понятием «миграционная ёмкость региона», которая зависела от наличия в регионе вакантных рабочих мест и свободного жилищного фонда, точнее, — перспектив строительства нового жилья. Но названная книга — о межрегиональных переездах, которые подразумевали обмен жильём, заменяющий тогда, при отсутствии рынка жилья, его куплю-продажу. И квадратные метры становились платёжным средством в таких обменах, так как уезжающие из Сибири переезжали в города европейской части страны с ухудшением жилищных условий, теряя в размере жилплощади.

Знаковыми направлениями были исследования трудовой мобильности, которая проблематизировалась через «текущесть рабочей силы», исследования бюджетов времени (см. подробнее обзор в кн.: [Заславская, Калугина 1999]). Последнее направление, исследования бюджетов времени, к сожалению, не представлено в современных исследованиях школы, да и другие направления не неизменны. К примеру, сместился фокус с миграции населения на пространственную мобильность, которую мы рассматриваем как индикатор агломерационных процессов, территориального неравенства, связаннысти территорий [Горяченко et al. 2024].

Что касается исследований уровня жизни и экономического неравенства, стоит вспомнить, что у Татьяны Ивановны Заславской работы «первого московского периода» были о вознаграждении труда в сельском хозяйстве, о причинах различий в оплате труда в совхозах и колхозах. А в исследованиях миграции населения, которые выполнял отдел социальных проблем, факторы переездов, конечно же, включали характеристики занятости, уровень оплаты труда и доходов в целом, жилищные условия на прежнем и новом месте. В советской статистике стали публиковать показатели доходной дифференциации населения только в конце 1980-х гг., тем не менее по материалам социологического статистических обследований не только были рассчитаны коэффициенты дифференциации доходов сельского населения Новосибирской области, но и определено, что за их изменение «отвечают» различия в темпах роста оплаты труда на низко- и высокооплачиваемых рабочих местах.

В 1980-е исследования дифференциации по материальному благосостоянию вполне оформились в отдельное направление, оно было одним из основным. Исследования выполнялись под руководством Александра Николаевича Шапошникова (сельское население) и Людмилы Александровны Хахулиной (городское население). С 1990-х это направление поддерживалось прежде всего Верой Сергеевной Тапилиной и Татьяной Юрьевной Богомоловой; их работы были посвящены финансовому поведению домохозяйств [Тапилина, Богомолова 1998], новому слою богатых [Tapilina 1998], бедности [Богомолова, Тапилина 2004; 2006], экономической стратификации в субъективном измерении [Богомолова, Тапилина 1997], экономической мобильности [Богомолова, Тапилина 1999; Богомолова, Тапилина, Ростовцев 2002] и другим темам. В 2010-е ярким вкладом в направление были исследования потребления, которые выполняла Ольга Ечевская [Ечевская 2011].

Интерес к исследованиям в области материального благосостояния и открытые всероссийские данные

— Как развивался Ваш интерес к социологии, к теме экономического неравенства, благосостояния?

— Во время моего студенчества Татьяна Юрьевна Богомолова вела у нас курс по социологии благосостояния, а затем по социальной стратификации. Собственно, до конца обучения в университете она была моим научным руководителем, затем научным руководителем при подготовке кандидатской диссертации. И сейчас мы продолжаем быть коллегами в исследованиях.

Мой диплом был посвящён субъективным оценкам материального благосостояния. А когда я выбирала тему диссертации, было модно изучать, как всё сломалось и как мы адаптируемся к этим сломам, в том числе социально-экономическим. Когда я стала глубже погружаться в проблематику социально-экономической адаптации, появилась идея исследования того, как домашнее хозяйство приспособливается к внешним кризисам. Домашние хозяйства, если мы берём большинство из них, включают супружеские пары, в которых выстраиваются общие, семейные, «микроколлективные» стратегии приспособления к кризисам. Может быть, кто-то из супругов больше «на себе тянет»... Или подстраховывает в трудные моменты... Мне был интересен такой тематический поворот. Тогда только начала распространяться гендерная тематика в экономической социологии, появились книги, концентрирующиеся на экономических аспектах отношений в семье. Интересные книги по этой теме переводил и издавал Московский центр гендерных исследований (МЦГИ).

Значимыми для меня были работы британских социологов по экономике домашних хозяйств, прежде всего Джонатана Гершуни, работы Жан Пал, Кэролин Боглер о финансовой организации супружеских домохозяйств. Отголоски интереса к этой теме появлялись и у нас. У Вадима Радаева в учебнике была глава «Человек в домашнем хозяйстве» [Радаев 2005]. Тема эта висела в воздухе, и я, как мне кажется, естественным образом пришла к мысли, что тема моей диссертации будет про внутрисемейные экономические отношения. Диссертация была о том, как супруги участвовали в формировании семейного бюджета в динамичные 1990-е гг. Мне помогло наличие первых волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), данные которых Татьяна Юрьевна Богомолова привозила в Новосибирск на дискетах или на флешке.

С одной стороны, 1990-е были трудным временем для школы в том плане, что кадры таяли. И финансово как бы не очень... Но с другой стороны, было два противоположных и мощных, наверное, условия. Во-первых, появились открытые данные, и всё началось с РМЭЗ. В конце 1990-х появляются открытые всероссийские данные, и теперь наши исследования могли эмпирически больше не ограничиваться обследованиями в Новосибирской области.

РМЭЗ в этом плане стал красной нитью в моей исследовательской биографии. Всероссийские открытые данные РМЭЗ, микроданные обследований домохозяйств, которые стал публиковать Росстат, — все это очень значимая часть данных, с которыми мы работаем. К сожалению, не так много коллег заинтересованы эти данные для исследования внутрисемейных финансовых отношений. Среди авторов по этой теме называла бы Диляру Ибрагимову, Полину Жидкову.

Во-вторых, в 1990-е заработали фонды, проводящие конкурсы, по которым можно было получить гранты на исследования.

— Можно ли сказать, что появление РМЭЗ кардинально изменило понимание того, как делать исследования?

— Моё знакомство с данными РМЭЗ в чём-то продолжало тему диплома. В анкетах были вопросы наподобие «доход какой величины для Вашей семьи Вы сочли бы нормальным?»; были вопросы про субъективные представления о доходе, который ассоциируется с богатством и бедностью, и я подробно сравнивала «денежный эквивалент» нормальной жизни в представлениях разных групп респондентов. Когда поступала в аспирантуру, я уже знала немного эти данные и примерно понимала, как их можно использовать. Но мне хотелось уйти от работы с отдельными файлами, перегруппировать, переструктурировать данные так, чтобы соединить друг с другом ответы супружеских пар. Кстати, для одной из курсовых работ, которая недавно выполнялась под моим руководством, также создавала новый файл данных, в котором к анкетам подростков присоединила ответы каждого из родителей. То есть организация данных РМЭЗ позволяет изучать согласованность ответов, характеристик членов семьи, заглянуть в тот самый «чёрный ящик домохозяйства».

Начало исследовательской работы у меня практически совпало с появлением возможности работать с РМЭЗ, так что мне не пришлось что-то революционно менять в своих практиках. Отличие, наверное, в том, что в студенчестве работала с «местными», локальными данными, собранными в Новосибирской области или соседних регионах. Например, наши студенческие экспедиции были в Алтайском крае. Мы и сейчас, уже без экспедиций, проводим опросы в качестве студенческой практики. Например, несколько лет подряд в партнёрстве с «ИнфоСканом»² мы проводили телефонные опросы о мобильности населения в Сибири — в Новосибирской, Томской областях, в Алтайском крае; студенты используют эти данные в своих курсовых работах. Но всё же РМЭЗ — это общероссийские, более масштабные данные, размер выборки которых позволяет видеть широкий круг социально-экономических явлений в подробностях.

Десять лет совместных исследований собственности российских домохозяйств

— В декабре 2024 г. Вы с Татьяной Юрьевной Богомоловой выступали у нас, на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований, с результатами изучения внутрисемейной передачи собственности в России. Расскажите, как Вы пришли к данной теме? Когда вышла в свет Ваша первая публикация о собственности?

— Первая публикация с результатами исследования собственности российских домохозяйств вышла у нас с Татьяной Юрьевной в январе 2015 г., то есть 10 лет назад [Богомолова, Черкашина 2015]. Потом мы написали много статей на эту тему и до сих пор не можем остановиться. Тема кажется бездонной.

Если смотреть ретроспективно, наш интерес к этой теме был предопределён. У Т. Ю. Богомоловой диссертация была про стратификацию по материальному благосостоянию населения крупного города. Как она сама замечает, первая в СССР и России диссертация со словом «стратификация», использованном не в ругательном смысле. В 1992 г. в ИЭОПП вышла книга Виктора Лисова «Богатые и бедные в сибирской деревне» [Лисов 1992]. Название очень даже смелое для тех времён, в таком ключе мало кто говорил про материальные различия. Александр Николаевич Шапошников и Виктор Лисов разработали типологию материального благосостояния для сельского населения, уникальность которой в том, что она была построена на денежных оценках стоимости разных объектов личной собственности и имущества, в том числе жилья. Собирали данные по этой методике в середине 1980-х гг. Для Советского Союза это было уникальнейшее исследование!

Это означает, что связанный с НЭСШ бэкграунд наших исследований помогал нам изучать экономическое благосостояние структурно, через выделение иерархически организованных групп домашних хозяйств, семей, по накопленному имуществу, жилищным условиям.

² Независимая исследовательская компания. См. о ней подробнее: Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.infoskan.ru/about/> (дата обращения: 11 сентября 2025 г.).

У Т. Ю. Богомоловой и В. С. Тапилиной были исследования о мобильности населения по доходам, об измерении доходной бедности. Но ни у нас, ни в других исследовательских коллективах практически ничего не писали про имущество, собственность современных российских домашних хозяйств. Наверное, наиболее значимой книгой в этой теме была «Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян». Одним из её редакторов был Александр Юрьевич Чепуренко (см.: [Горшков, Тихонова, Чепуренко 2006]). К этой книге я периодически обращаюсь. В ней подведён итог десятилетия реформ, показано введение частной собственности с точки зрения россиян: как они относятся к ней, что понимают под частной собственностью. Эмпирические данные свидетельствовали о положительном отношении к частной собственности, но для большинства она включала имущественные материальные объекты, то есть жильё, дачу, автомобиль, земельный участок. В этом плане частная собственность рассматривалась как зона личной свободы, то, чем можно самостоятельно распоряжаться. И уже тогда было зафиксировано, что важнейший объект собственности для россиян — жильё; в отношении к нему воплощается восприятие частной собственности в целом. Это была значимая книга, но издана она в середине нулевых, а после неё — большое пятно...

Мы с Татьяной Юрьевной начали этот пробел заполнять. Как раз тогда Росстат стал публиковать микроданные своих обследований. Например, Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ) за 2011 г. Росстат открыл в 2013 г. Я в это время вдохновилась книгой Елены Шоминой про квартиросъёмщиков [Шомина 2010] и очень удивилась, почему нет никаких российских публикаций про масштабы съёма квартир, эмпирического описания этого явления в новых, рыночных условиях.

Когда Росстат открыл данные КОУЖ за 2011 г., я предложила тему о квартиросъёмщиках Елене Караваевой для дипломной работы, в которой количественные данные КОУЖ были дополнены качественными данными интервью с квартиросъёмщиками. Эта работа стала призёром конкурса ВЦИОМа, а результаты потом мы опубликовали в «Мониторинге общественного мнения» в 2015 г. [Караваева, Черкашина 2015].

Наличие данных РМЭЗ и КОУЖ и совокупный опыт подталкивали к изучению имущества в собственности домохозяйств. Но все эти данные не содержали денежных оценок собственности, а, скорее, фиксировали факты о ней — наличие и отдельные характеристики (размер; новизна; если дом, площадь и благоустроенность; если автомобиль, то куплен подержанным или новым). Характеристики были разные, но не было основной оценки этих активов — финансовой. Статья 2015 г. строилась на балльной оценке совокупного имущества домохозяйств, но мы в дальнейшем отказались от этого и стали более систематично воспроизводить иное методическое решение — «клusters на факторах», как бы оно ни критиковалось [Крыштановский 2005]. Мы его воспроизвели на каждой волне КОУЖ, увидев устойчивость имущественной стратификации больше, чем за десятилетие.

— *Какие статьи Вы рекомендовали бы прочесть, чтобы ознакомиться с Вашиими исследованиями, разработанной методологией?*

— Наверное, можно сказать, что у нас появилась трилогия в журнале «Мир России». После самой первой статьи и отказа от сугубо балльной оценки имущественной обеспеченности мы обратились к другому методическому решению и стали более серьёзно пытаться выстраивать типологию домашних хозяйств по имущественной обеспеченности, используя данные КОУЖ. Но любые типологии не висят в безвоздушном пространстве. Нас интересовали институциональные и экономические условия для формирования собственности домашних хозяйств, которые мы описали в первой статье в «Мире России» [Богомолова, Черкашина 2018], и на данных РМЭЗ показали динамику прироста имущества в собственности российских домохозяйств в 1994–2014 гг.

Во второй статье, в 2020 г., мы описали собственно эту типологию и на данных КОУЖ 2011–2018 гг. показали, какова доля домохозяйств, владеющих разным жильём, автомобилями, земельными участками, и какие имущественные кластеры получаются от их сочетания [Богомолова, Черкашина 2020]. Нам по-прежнему был интересен поселенческий разрез: мы сравнивали имущественную обеспеченность по макрорегионам, городам и другим населённым пунктам.

В третьей статье в нашу периодизацию экономических и институциональных условий мы добавили третий период, связанный с распространением государственных программ, стимулирующих прирост собственности домохозяйств, затронули вопрос налогообложения [Богомолова, Черкашина 2021]. И в этом случае государство, сначала грамотно формирующее собственность населения, а потом реформирующее систему налогообложения так, чтобы собирать имущественные налоги, заслуживало комплимент.

— *Как Вы бы могли соотнести Вашу методологию по измерению нефинансового богатства населения с международными подходами?*

— В рекомендациях Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) благосостояние населения при его изучении раскладывается на три группы индикаторов, связанных с доходами, имуществом, которое находится в собственности, и потреблением. В хрестоматии OECD всё великолепно расписано [OECD 2013]. Там же есть рекомендации по изучению богатства населения на микроданных обследований домашних хозяйств. Имущество домохозяйств, которое мы изучаем, в классификации OECD определяется как нефинансовое богатство и включает прежде всего жилую и нежилую недвижимость, земельные участки, автотранспортные средства, некорпоративные активы. На РМЭЗ мы посмотрели, какая доля домашних хозяйств владеет производственными активами; точнее, домохозяйств, члены которых владеют или совладеют предприятиями. Оказалось, примерно 2–3% домохозяйств, то есть очень маленький процент, поэтому мы отказались включать в анализ этот актив и сфокусировались на ядре из жилой недвижимости, земли и автотранспорта. Тем не менее мы всё равно продолжаем ориентироваться на ту рамку исследования богатства домохозяйств, которую рекомендует OECD.

— *Какие выводы Вы считаете наиболее значимыми, парадоксальными или развивающими обыденные и Ваши представления о собственности в России, её передаче внутри семьи?*

— Мы привыкли к тому, что, когда смотришь на доходную стратификацию, сельские семьи концентрируются преимущественно в нижних слоях, а на верхних этажах находятся жители из городов-миллионников и столиц. Но в нашей имущественной типологии были группы семей (как мы их называли, «с сельским профилем»), которые находились не только внизу имущественной стратификационной лестницы, но и вверху. Иначе говоря, есть крупные домашние хозяйства, которые могут быть сложными по составу (к примеру, двухпоколенные), и они владеют большим «портфелем» накопленного имущества. Получалось, что наверху имущественной стратификации можно выделить группу домашних хозяйств именно сельских. И это было несколько неожиданно.

Потом возник ещё один сюжет. Как показал анализ, ключевой характеристикой, которая определяет, окажетесь ли вы наверху имущественной стратификации или в её нижней части, стала семья. Если главой домашнего хозяйства является человек, чей брак распался, он, скорее всего, будет внизу имущественной стратификации, и наоборот. Стабильный и долгий брак существенно повышает вероятность того, что вы окажетесь в верхних имущественных слоях. Семейный сюжет мы продолжили в исследовании, о котором рассказывали на семинаре ЛЭСИ, но иначе расставили акценты, подчёркивая роль семьи в формировании собственности прежде всего молодого поколения, в возможности пользоваться имуществом, которым не владеешь непосредственно.

Откуда вообще может возникнуть собственность, ваша или вашей личной, нуклеарной семьи? Вы лично или вместе с супругом или супругой можете её приобрести на свои доходы, зачастую растигнув во времени накопление средств или погашение кредита для покупки; государство задаёт институциональные и экономические условия для такой «конвертации» доходов в имущество. Также вы можете стать собственником, получив имущество по наследству или в дар, как правило, от старших родственников; либо получив от родственников денежную поддержку в приобретении объектов собственности. В предыдущих своих работах мы фиксировали контекст на макроуровне, периодически обновляли периодизацию государственной политики в отношении собственности населения в современной России, систематизировали институциональные инструменты, которыми государство «подталкивало» население к статусу собственника. И вполне закономерно, что наш исследовательский интерес вызвали микроуровневые практики участия родственников, расширенной семьи в формировании имущественного портфеля.

— Кого Вы бы рекомендовали читателям журнала из авторов, кто занимается в России темой передачи имущества по наследству?

— Работ по этой теме не так много. Это серия исследований Ивана Климова с коллегами из Центра управления благосостоянием (позже — Центр управления благосостоянием и филантропии) «Сколково» [Агеев, Климов 2021]. Это качественные исследования, кажется, на основе 36 интервью с обеспеченными людьми, которые собираются передавать бизнес в наследство. Также было написано несколько работ Марией Стариковой, когда она работала в Вятском государственном университете, — про жилищные условия, жилищную стратификацию и неравенство [Старикова 2018], про наследуемое жильё [Старикова 2015]. Оказалось, что не для всех полученное по наследству жильё обладает ценностью; оно, скорее, объект для продажи и вложения в покупку нового жилья, которое устраивало бы молодых, то есть не все готовы жить в унаследованном жилье. Анна Стрельникова и Елизавета Полухина участвовали в коллективном исследовании, одной из тем которого была жилищная мобильность. Смена жилья рассматривалась как пространственная проекция социальной мобильности [Стрельникова 2015; Полухина 2017]. Можно сказать, что эти работы стали источниками вдохновения для наших исследований. Например, идея жилищной мобильности была реализована в одном из дипломных исследований (работа Ирины Бородихиной «Динамичность институциональных и экономических условий как предпосылка жилищной мобильности россиян», 2018 г.). При этом выделялись траектории не просто смены места жительства, но смены статусов собственника и пользователя жилья.

К сожалению, такой масштабный проект, как Всероссийское обследование домашних хозяйств по потребительским финансам, который организуют Минфин и Центробанк, имеет небольшой набор переменных о тех, кто покупал квартиру при поддержке государства, например, с помощью материнского капитала, льготной ипотеки. Обследование лишь фиксирует наличие такой поддержки. Это и есть вся информация, которую оттуда можно извлечь о государственной поддержке. Плюс характеристики этого жилья. Эти данные дополняются ответами на несколько вопросов о семейной поддержке в приобретении собственности.

Хотелось бы чуть глубже изучить, например, минимальную имущественную обеспеченность. Вячеслав Бобков и его коллега написали несколько статей про жилищную бедность [Бобков, Одинцова 2021]. Кажется, это всё... Словом, какие-то точечные очаги интереса к теме собственности, собственного жилья есть, но хочется к ним что-то добавить... Например, сейчас интересно увидеть самим и другим показать, как родственные отношения поддерживают отношения собственности или воспроизводятся в них.

Кадры не только для академии: участие бизнес-практиков в социологическом образовании

— Расскажите, пожалуйста, как сегодня организовано обучение в Новосибирском университете на отделении социологии экономического факультета? Есть ли здесь особенности социологического образования?

— Про организацию образования у нас можно много рассказывать, но как отличительные особенности отметила бы следующие. Во-первых, всё же мы на экономическом факультете, для нас это естественная, исторически сложившаяся ситуация, поэтому наши студенты проходят серьёзные курсы макро- и микроэкономики, большой блок математических дисциплин, и только после этого наступает время анализа социологических данных. В этом плане мы преимущественно «колличественники». Во-вторых, в курсовых работах на каждом курсе последовательно формируются у студентов навыки выполнения исследований: на первом курсе учат аналитически реферировать источники; на втором — составлять программу социологического исследования, что также подразумевает обзор публикаций; третий курс — это анализ социологических данных, преимущественно вторичный, но он, естественно, включает разработку программы исследования. На четвёртом курсе всё это воплощается в дипломных исследованиях, которые подразумевают формирование уникальной информационной базы. В магистратуре эти этапы сжаты до двух лет. Так что у студентов есть возможность с третьего, а иногда со второго курса рассказывать на конференциях о своих исследованиях, эмпирическая база которых больше, чем доступные опросы студентов своего вуза. В-третьих, есть преимущество в том, что НГУ — не большой вуз; на нашем направлении, к примеру, 25 бюджетных мест в бакалавриате и 10 — в магистратуре. У студента с первого курса есть научный руководитель, под контролем которого фактически реализуется индивидуальное обучение. Кто-то из студентов выбирает нового руководителя каждый год, а кто-то может все четыре года выполнять свои исследования под руководством одного преподавателя. В-четвёртых, это то, что я назвала бы «балансированием между академией и “реальным” сектором». Наш университет, как уже отмечалось, тесно связан с институтами Сибирского отделения РАН. Для трети сотрудников кафедры основное место работы — ИЭОПП СО РАН. По примерам, которые я приводила, видно, что мы предлагаем студентам темы исследований, близкие к тому, чем занимаемся сами. Хотя противопоставление академических институтов и «реального сектора», скорее, ложное, так как через влючённость студентов в научные исследования мы учим универсальным навыкам поиска информации, работы с данными, их социологической интерпретации. Тем не менее нам важно подготовить студентов к тому, что академией исследовательская работа не ограничивается.

— Где работают выпускники отделения? Взаимодействует ли кафедра с ними после выпуска?

— Нет смысла закрывать глаза на то, что в маркетинг, другие исследовательские направления идёт гораздо больше наших выпускников, чем в науку. Студентов надо готовить к реальности. Первым явно «практико-ориентированным» курсом был «Полевой этап маркетинговых исследований», который разработали и преподавали Антон Карпов и Елена Кузьминых, совмещая преподавание в университете с работой в сфере коммерческих исследований. Когда курс «запускали», на кафедре обсуждали, нужно ли учить студентов тому, «как надо», или лучше рассказывать им о том, «как есть на самом деле».

А позднее, в 2014 г., на конференции, посвящённой 25-летию отделения социологии, провели два круглых стола. Один был посвящён собственно социологическому образованию, а второй — профессиональной занятости социологов, тех, кто уже получил диплом социолога, и чему в такой перспективе стоит учить студентов. Был огромный эффект после участия в этих круглых столах наших выпускников. В дополнение к «Полевому этапу маркетинговых исследований» появился курс «Исследовательские технологии в решении маркетинговых задач», который очень долго читали Рада Малышева и Елена Бабина, а сейчас

«подхватила» Анна Орлова. Какие-то курсы, к сожалению, читаются только два-три года. Например, были «Статистические методы маркетинговой аналитики» Арины Комаровой, «Методы продуктовой аналитики» Евгении Ольбиковой. Но, к счастью, пока получается пополнять линейку таких курсов, которые несут знания не из учебников, а из собственного обширного опыта преподавателей, находящихся на позициях исполнителей и руководителей в исследовательских агентствах и подразделениях. Считаем, что какой бы мощной ни была академическая база, на выпускных курсах бакалавриата и в магистратуре нужны прикладные вкрапления, то есть «исполнение» учебных дисциплин «реальными» практиками. Ценность этих курсов может быть в систематизации материала и описании широкого контекста для исследовательских навыков. Взрослый человек с опытом привносит систематизацию в то, что студенты (пускай и работающие) отрывочно и обрывочно знают по своему небольшому опыту, предлагает описание более широкого контекста, учит более объёмно и глубоко смотреть на рутинные бизнес-процессы.

Но мы не только через преподавание или какие-то мероприятия обращаемся к опыту наших выпускников. В 2012 г. мы провели первую «перепись» выпускников отделения социологии ЭФ НГУ, в 2021 г. — вторую. По всем доступным каналам обращались к выпускникам с просьбой сообщить, где и кем они работают, но в каждой переписи была и исследовательская часть. В первой переписи мы оценивали карьерный рост наших выпускников, сравнивая характеристики текущей работы с характеристиками первого после получения диплома места работы; во второй сконцентрировались на оценке полученного образования, его востребованности. Такие переписи дают представление о коллективном профессиональном опыте обладателей диплома социолога. И я сказала бы, что выпускники отделения социологии — это наш социальный капитал.

— Большое спасибо за уделённое время и за беседу! Надеемся, что данное интервью и последующие публикации в рамках нашего проекта привлекут интерес в том числе молодых учёных к теме, стимулируют интерес к межрегиональному взаимодействию и вдохновят на научно-исследовательский карьерный трек.

Новосибирск, февраль 2025 г.

Литература

- Агеев Д., Климов И. 2021. Опыт преемственности глазами «первого» и «второго» поколения. Портрет владельцев капитала в России. *Центр управления благосостоянием Московской школы управления «Сколково»*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.skolkovo.ru/researches/opyt-preemstvennosti-glazami-pervogo-i-vtorogo-pokoleniya/> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).
- Бобков В. Н., Одинцова Е. В. 2021. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация. *Мир новой экономики*. 15 (2): 16–28.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 1997. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение. *Социологические исследования*. 9: 28–40.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 1999. Мобильность населения России по доходам в середине 90-х годов. *ЭКО*. 10: 81–94.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 2004. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр. *Социологические исследования*. 12: 17–29.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 2006. Бедность в современной России: измерение и анализ. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4M)*. 22: 90–113.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С., Ростовцев П. С. 2002. Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства. *Экономическая социология*. 3 (1): 72–86. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-1/26594916.html> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2015. Регионально-поселенческие аспекты структуры нефинансового богатства российских домохозяйств. *Регион: экономика и социология*. 1: 79–107.

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2018. Институционально-экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств: от приватизации к приобретению. *Мир России. Социология. Этнология*. 27 (2): 62–89.

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2020. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты. *Мир России. Социология. Этнология*. 29 (4): 6–33.

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2021. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: собственность и налоги. *Мир России. Социология. Этнология*. 30 (3): 51–77.

Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Чепуренко А. Ю. (отв. ред.) 2006. *Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян*. М.: Наука.

Горяченко Е. Е. et al. 2024. Человек на территории: пространственный анализ в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы. *Регион: экономика и социология*. 1: 258–288.

Ечевская О. Г. 2010. Практики потребления и различия в контексте социально обусловленных оправданий бедности и богатства. *Регион: экономика и социология*. 1: 129–148.

Ечевская О. Г. 2011. *Потребление и различие: социальные значения практики потребительского поведения горожан* (под ред. Т. Ю. Богомоловой). Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

Заславская Т. И., Калугина З. И. 1999. *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение).

Заславская Т. И., Калугина З. И. 2003. *Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение).

Заславская Т. И., Калугина З. И., Бессонова О. Э. (отв. ред.) 2008. *Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Изд-во СО РАН.

Заславская Т. И., Миркин В. Д., Ершов К. Ф. (отв. ред.) 1969. *Методика выборочного обследования миграции сельского населения*. Новосибирск: Наука.

Заславская Т. И., Рывкина Р. В. 1991. *Социология экономической жизни: Очерки теории* (отв. ред. А. Г. Аганбегян). Новосибирск: Наука (Сибирское отделение).

Караваева Е. Ю., Черкашина Т. Ю. 2015. Жилищные отношения, политика и условия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 118–135.

Корель Л. В., Тапилина В. С., Трофимов В. А. 1988. *Миграция и жилище*. Новосибирск: Наука.

- Котельникова З. В. 2004. Новосибирская экономико-социологическая школа. *Экономическая социология*. 5 (1): 91–104. Электронный ресурс [код доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204952/ecsoc_t5_n1.pdf#page=94 (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).
- Крыштановский А. О. 2005. «Кластеры на факторах» — об одном распространённом заблуждении. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4M)*. 21: 172–187.
- Лисов В. А. 1992. *Богатые и бедные в сибирской деревне*. Новосибирск: Изд-во Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.
- Лисов В. А., Шапошников А. Н. 1988. Методика и результаты построения типологии семей по уровню материального благосостояния. *Известия СО АН СССР. Серия «Экономика и прикладная социология»*. 8 (2): 56–66.
- Полухина Е. В. 2017. Жилищная мобильность: направления социологического анализа. *Журнал исследований социальной политики*. 15 (4): 589–602.
- Радаев В. В. 2005. *Экономическая социология*: учебное пособие для вузов. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Рывкина Р. В. (отв. ред.) 1989. *Контуры социологического образования в вузе*. Проект. Методическая разработка. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т им. Ленинского комсомола; Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.
- Старикова М. М. 2015. Жилищный вопрос в межпоколенном контракте. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 105–117.
- Старикова М. М. 2018. Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: критерии выделения жилищных классов и страт. *Урбанистика*. 3: 71–98.
- Стрельникова А. В. 2015. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 7 (10): 39–46.
- Тапилина В. С., Богомолова Т. Ю. 1998. Кто на что тратит... *Финансовое поведение российских домохозяйств*. ЭКО. 10: 119–128.
- Шабанова М. А. 1986. Сезонные строители в сибирском селе. *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. Экономики и прикладной социологии*. 7 (2): 48–57.
- Шабанова М. А. 1991. *Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: Комплексное социолого-статистическое исследование*. Новосибирск: Наука.
- Шомина Е. С. 2010. *Квартиросъемщики — I наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- OECD. 2013. *OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth*. Paris: OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264194878-en> (accessed 12 September 2025).
- Tapilina V. 1998. The Rich in Postsocialist Russia. *Sociological Research*. 37 (1): 32–47.

INTERVIEWS

Interview with Tatyana Cherkashina

Our Research Interest in Economic Inequality Was Predetermined

Interviewed by Anita Poplavskaya

CHERKASHINA, Tatyana Yu. — **Abstract**

Candidate of Sciences

(Sociology), Leading Researcher, the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of General Sociology, Novosibirsk State University. Address: 1 Pirogov str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: touch@nsu.ru

A conversation with the head of the Sociology Department of Novosibirsk State University (NSU) Tatyana Cherkashina opens a series of interviews within the framework of the project “Russian Economic-Sociological Perspective” initiated by Anita Poplavskaya (Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology). The goal of the project is to present the diversity of scientific topics in Russian economic sociology, to “map” and “portrait” them. Where Russian economic sociology is located? Which interests do the economic-sociologists (or scientists whose interests belong to both economy and sociology) pursue? Are researchers oriented at exploring local contexts, presenting unique discourses and approaches for the country, or they are integrated (and how) into the global discussion of their subject area. How did the scientific interests of the interviewed scientists have been developing, what articles and books do they consider as key and most significant in their biographies, which literature inspires them, what data do they use, how do they analyze it and what research results do they consider the most significant? We seek answers to these and other questions in the conversations with colleagues.

It is no coincidence that the case of the Novosibirsk School of Economic Sociology (NESS) is the first. It was in Novosibirsk in the 1970-1980s where economic sociology was born in Russia as a research field, and in 1989 one of the first departments of sociology was opened in the Soviet socialist republics. Paradoxically, the Faculty of Sociology was never created here and sociologists continue to work and teach students at the Faculty of Economics.

The interview initially consisted of a three-hour conversation with the head of the Department of Sociology Tatyana Cherkashina. The conversation took place in an informal setting over a cup of tea in the NSU department room. This publication is a brief summary of the most important stories: (1) the history of the Novosibirsk School of Economic Sociology, including stories about the continuity of interest in research on welfare and inequality in Russia, about the organization of education at NSU, the advantages and prospects of using open statistical data in research; (2) the ten-year experience of T. Yu. Cherkashina and T. Yu. Bogomolova's joint research on wealth stratification with regard to property possession in Russia, trilogy of their articles, author's recommendations of the literature and methodology of measuring wealth inequalities; and (3) the current state of affairs at the Department of Sociology in the Faculty of Economics, which, in addition to traditional sociology disciplines, integrates courses taught by business practitioners, graduates of the faculty, emphasizing the importance of reflecting and understanding the work of modern markets and analyzing real business cases. The interview highlights the close connection between economics and sociology, statistical analysis and a more comprehensive understanding of social phenomena, academic disciplines and practical

courses. The conversation may be of interest to both young researchers searching for their own path in science, interesants and experts in the field of sociology of inequality and stratification.

Keywords: economic sociology; the Novosibirsk School of Economic Sociology; Novosibirsk State University; wealth; wealth inequality; education in Sociology.

References

- Ageev D., Klimov I. (2021) Opyt preemstvennosti glazami “pervogo” i “vtorogo” pokoleniya. Portret vladel-tsev kapitala v Rossii [The Experience of Continuity through the Eyes of the “First” and “Second” Generations. Portrait of Capital Owners in Russia]. *Tsentr upravleniya blagosostoyaniem Moskovskoy shkoly upravleniya Skolkovo*. Available at: <https://www.skolkovo.ru/researches/opyt-preemstvennosti-glazami-pervogo-i-vtorogo-pokoleniya/> (accessed 12 September 2024) (in Russian).
- Bobkov V. N., Odintsova E. V. (2021) Materialnoe blagosostoyanie rossiyan: mezhpokolennaya differentsiatsiya [The Material Well-Being of Russians: Intergenerational Differentiation]. *The World of New Economy = Mir novoy ekonomiki*, vol. 15, no 2, pp. 16–28 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (1997) Ekonomicheskaya stratifikatsiya: obektivnoe i subektivnoe izmerenie [Economic Stratification: Objective and Subjective Measurement]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 9, pp. 28–40 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (1999) Mobilnost naseleniya Rossii po dokhodam v seredine 90-kh godov [Population Mobility in Russia by Income in the Mid-90s]. *ECO = EKO*, no 3, pp. 60–81 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (2004) Migratsiya bednosti: masshtaby, vospriyvostvo, sotsialnyy spektr [Poverty Migration: Scale, Reproduction, Social Spectrum]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12, pp. 17–29 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (2006) Bednost' v sovremennoj Rossii: izmerenie i analiz. [Poverty in Modern Russia: Measurement and Analysis]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M) = Sociologiya: metodologiya, metody i matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)*, iss. 22, pp. 90–113 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S., Rostovcev P. S. (2002) Vliyanie mobil'nosti naseleniya po dohodam na izmenenie neravenstva [The Impact of Income Mobility on Changes in Inequality]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 3, no 1, pp. 72–86. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-1/26594916.html> (accessed 17 August 2025) (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2015) Regionalno-poselencheskie aspeкty struktury nephinansovogo bogatstva rossiyskikh domokhozyaystv [Regional and Settlement Aspects of the Structure of Non-Financial Wealth of Russian Households]. *Region: Economics and Sociology = Region: ekonomika i sociologiya*, no 1, pp. 79–107 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2018) Institutsionalno-ekonomicheskiy kontekst phormirovaniya nephinansovogo bogatstva rossiyskikh domokhozyaystv: ot privatizatsii k priobreteniyu. [The Institutional and Economic Context of the Formation of Non-Financial Wealth in Russian Households: From Privatization to Acquisition]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 27, no 2, pp. 62–89 (in Russian).

Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2020) Stratifikatsiya po nepinansovomu bogatstvu rossiyskikh domokhozyaystv: vysota, profil, determinaty [The Stratification of Russian Households by Non-Financial Wealth: Volume, Structure and Correlates]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 29, no 4, pp. 6–33 (in Russian).

Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2021) Nefinansovoe bogatstvo rossiyskikh domokhozyaystv: sobstvennost' i nalogi [The Non-Financial Wealth of Russian Households: Property and Taxes]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 30, no 3, pp. 51–77 (in Russian).

Echevskaya O. G. (2010) Praktiki potrebleniya i razlicheniya v kontekste sotsial'no obuslovnennykh opravdaniy bednosti i bogatstva [Consumption and Distinction Practices in the Context of Socially Determined Justifications of Poverty and Wealth]. *Region: Economics and Sociology = Region: ekonomika i sociologiya*, no 1, pp. 129–148 (in Russian).

Echevskaya O. G. (2011) *Potreblenie i razlichie: sotsial'nye znacheniya praktiki potrebitel'skogo povedeniya gorozhan* [Consumption and Distinction: Social Significances of Urban Consumer Behavior Practices] (ed. T. Yu. Bogomolova), Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Chepurenko A. Yu. (eds) (2006) *Sobstvennost' i biznes v zhizni i vospriyatiu rossiyyan* [Property and Business in the Life and Perception of Russians], Moscow: Nauka (in Russian).

Goryachenko E. E., Cherkashina T. Yu., Mosienko N. L., Malov K. V., Fadeeva O. P. (2024) Chelovek na territorii: prostranstvennyy analiz v issledovaniyakh Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly [Man on the Territory: Spatial Analysis in the Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School]. *Region: Economics and Sociology = Region: ekonomika i sociologiya*, no 1, pp. 258–288 (in Russian).

Karavaeva E. Yu., Cherkashina T. Yu. (2015) Zhilishchnye otnosheniya, politika i usloviya [Housing Relations, Policies and Conditions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 118–135 (in Russian).

Korel' L. V., Tapilina V. S., Trofimov V. A. (1988) *Migratsiya i zhilishche* [Migration and Housing], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Kotelnikova Z. V. (2004) Novosibirskaya ekonomiko-sotsiologicheskaya shkola [Novosibirsk Economic-Sociological School]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 5, no 1, pp. 94–107. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204952/ecsoc_t5_n1.pdf#page=94 (accessed 12 September 2025) (in Russian).

Kryshtanovsky A. O. (2005) “Klastery na phaktorakh” — ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii [“Clusters on Factors” — About One Common Misconception]. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M) = Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye (Sotsiologiya: 4M)*, no 21, pp. 172–187 (in Russian).

Lisov V. A. (1992) *Bogatye i bednye v sibirskoy derevne* [Rich and Poor in a Siberian Countryside], Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lisov V. A., Shaposhnikov A. N. (1988) Metodika i rezul'taty postroeniya tipologii semey po urovnyu material'nogo blagosostoyaniya [Methodology and Results of Building a Topology of Families According to the

- Level of Material Well-Being]. Region: Economics and Sociology = *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya "Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya"*, vol. 8, no 2, pp. 56–66 (in Russian).
- OECD (2013) *OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth*, Paris: OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264194878-en> (accessed 17 August 2025).
- Polukhina E. V. (2017) Zhilishchnaya mobilnost: napravleniya sotsiologicheskogo analiza [Housing Mobility: Approaches for Sociological Analysis]. *The Journal of Social Policy Studies* = *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, vol. 15, no 4, pp. 589–602 (in Russian).
- Radaev V. V. (2005) *Economic Sociology: Handbook for Universities*, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Ryvkina R. V. (Ed.) (1989) *Kontury sotsiologicheskogo obrazovaniya v vuze. Proekt. Metodicheskaya razrabotka* [Outlines of Sociological Education in Higher Education Institutions. Project. Methodological Development], Novosibirsk: Novosibirsk State University named after Lenin Komsomol, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Shabanova M. A. (1986) Sezonnye stroiteli v sibirskom sele [Seasonal Builders in a Siberian village]. Region: Economics and Sociology = *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya "Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya"*, vol. 7, no 2, pp. 48–57 (in Russian).
- Shabanova M. A. (1991) *Sezonnaya i postoyannaya migratsiya naseleniya v selskom rayone: Kompleksnoe sotsiologostatisticheskoe issledovanie* [Seasonal and Permanent Migration of the Population in a Rural Area: A Comprehensive Sociological and Statistical Study], Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Shomina E. S. (2010) *Kvartirosemshchiki — nashe "zhilishchnoe men'shinstvo": rossiyskiy i zarubezhnyy opyt razvitiya arendnogo zhil'ya* [Tenants—Our “Housing Minority”: Russian and Foreign Experience of Rental Housing Development], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Starikova M. M. (2015) Housing Issue in Intergenerational Contract. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* = *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 105–117 (in Russian).
- Starikova M. M. (2018) Zhilishchnoe neravenstvo v gorodakh kak phorma sotsialnogo rassloeniya: kriterii vydeleniya zhilishchnykh klassov i strat [Housing Inequality in Cities as a Form of Social Stratification: Criteria for Identifying Housing Classes and Strata]. *Urban Studies* = *Urbanistika*, no 3, pp. 71–98 (in Russian).
- Strelnikova A. V. (2015) Prostranstvennye proektsii sotsialnoy mobilynosti: pereezdy kak dominantnye so-bytiya biographicheskogo povestvovaniya [Social Mobility and Its Spatial Projections: Moving as Significant Event in the Biographical Narration]. *Interaction. Interview. Interpretation* = *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*, vol. 7, no 10, pp. 39–46 (in Russian).
- Tapilina V. (1998) The Rich in Postsocialist Russia. *Sociological Research*, vol. 37, no 1, pp. 32–47.
- Tapilina V. S., Bogomolova T. Yu. (1998) Kto na chto tratit... Phinansovoe povedenie rossiyskikh domokhozyaystv [Who Spends What... Financial Behavior of Russian Households]. *ECO* = *EKO*, no 10, pp. 119–128 (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Kalugina Z. I. (eds) (1999) *Sotsial'naya trayektoriya rephormiruyemoy Rossii: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [The Social Trajectory of Reforming Russia: Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School], Novosibirsk: Nauka (Siberian Branch) (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Kalugina Z. I. (eds) (2003) *Rossiya, kotoruyu my obretayem: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [The Russia We Are Finding: Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School], Novosibirsk: Nauka (Siberian Branch) (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Kalugina Z. I., Bessonova O. E. (eds) (2008) *Rossiya i rossiyane v novom stoletii: vyzovy vremeni i gorizonty razvitiya: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [Russia and Russians in the New Century: Challenges of the Time and Horizons of Development: Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School], Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Mirkin V. D., Ershova K. F. (eds) (1996) *Metodika vyborochnogo obsledovaniya migratsii selskogo naseleniya* [Methodology of a Sample Survey of Rural Population Migration], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. (1991) *Sotsiologiya ekonomiceskoy zhizni: Ocherki teorii* [Sociology of Economic Life: Essays on Theory], Novosibirsk: Nauka (Siberian Branch) (in Russian).

Received: July 23, 2025

Citation: Intervyu s Tatyanoy Cherkashinoy “Nash interes k teme ekonomiceskogo neravenstva byl predpredelyon” [Interview with Tatyana Cherkashina. Our Research Interest in Economic Inequality Was Pre-determined] (2025). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 14–31 doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-14-31](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-14-31) (in Russian).